

О.Л. Довгий (Москва, Россия)

Разговоры о множестве миров Александра Махова

Аннотация: В статье идет речь о встрече «Разговоры о множестве миров Александра Махова», посвященной памяти ученого, состоявшейся в зуме 26 февраля 2022 г. Это была не официальная конференция, а теплая беседа, в которой приняли участие его друзья, коллеги, ученики. Главное, о чем говорили все, – многомищность А.Е. Махова.

Ключевые слова: А.Е. Махов, многомищность, издательство Intrada, бестиарные конференции

O.L.Dovgy (Moscow, Russia)

Talk on Alexander Makhov's Multitude Universes

Abstract: The article is devoted to zoom-meeting “Conversations on plenty of Alexander Makhov’s universes”, consecrated to scientist’s memory, held on February 26, 2022. It was not an official conference, but a warm conversation with the involvement of his friends, colleagues, and students. The main thing that everyone was talking about was A.E. Makhov’s multi-worldness.

Key words: Alexander Makhov, multiworldness, Intrada publishing house, bestiarian conferences

На вопрос, кто такой А.Е. Махов, представители разных гуманитарных сфер ответят по-разному: музыковеды вспомнят его докторскую диссертацию «Система понятий музыковедения в европейской поэтике» и книжку «Musica literaria: идея словесной музыки в европейской поэтике»; специалисты по романтизму – «Любовную риторику романтиков», «Ранний романтизм в поисках музыки», «Реальность романтизма: очерки духовного быта Европы на рубеже XVIII–XIX веков»; исследователи европейской поэтики – его фундаментальные статьи в энциклопедиях «Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий», «Западное литературоведение XX века», «Европейская поэтика: от античности до эпохи Возрождения»; исследователи топики – его пионерские работы о Э.Р. Курциусе и топосе; изучающие средневековую визуальную культуру и христианскую демонологию – знаменитую трилогию «Hortus daemonum: словарь христианской демонологии Средневековья и Возрождения», «Hostis Antiquus: Категории и образы Средневековой христианской демонологии», «Средневековый образ между теологией и риторикой».

кой»; «бестиарщики» – 9 бестиарных встреч и сборников, эмблематисты – «Эмблемы и символы» и «Эмблематику. Макрокосм», первую в России конференцию по эмблематике с коллективной монографией по ее материалам. Каждая группа считает его своим, и совершенно справедливо. А в нем, как в космосе, органично сосуществовали все эти – такие разные – миры.

Название встречи образовано путем риторического расширения от названия труда Антиоха Кантемира «Разговоры о множестве миров». Алиса Львова, многолетняя помощница А.Е. Махова, придумала слово «многомирный» как очень подходящее определение. А еще она приучила широкую общественность называть ученого просто Лев. И дело не только в рождении под этим солнечным знаком.

26 февраля Алиса Львова провела в зуме вечер памяти Льва. Событие анонсировалось в социальных сетях, было множество одобрительных комментариев, но собрались в субботу вечером только 7 человек. Если бы это было официальное мероприятие, то оно бы соответствовало межвузовскому статусу: все семь человек представляли разные вузы и научные институты Москвы: МГУ, МПГУ, МГОУ, РАНХиГС, РГГУ, ИМЛИ (правда, из МГУ было двое, но с разных факультетов). Но это была просто встреча тех, кто хотел вспомнить Льва добрым словом. Никакой специальной программы не было – была установка на спонтанность; организатору хотелось, чтобы слова сказались «сами собой».

В начале встречи Алиса Львова показала презентацию фотографий А.Е. Махова, сделанных ею в разные периоды и в разных ситуациях, – чтобы представить некоторые из его миров. Это очень малая доля огромного фотоархива А. Львовой. В презентации были условные разделы, и ниже будет рассказано о каждом из них.

ЛЕВ КАК ИЗДАТЕЛЬ, КАК МАСТЕР ОФОРМЛЕНИЯ КНИГИ, КАК АВТОР

Более 20 лет в Москве существовало издательство Intrada, выпускавшее гуманитарные книжки крошечными тиражами. Весь штат – два человека с бестиарными именами: Лев (А.Е. Махов) и Лиса (А. Львова). Книжки по филологии (многие известные литературоведы сотрудничали с Интрадой и сохранили добрые отношения на долгие годы), по культурологии,

философии, истории; словари, энциклопедии, где Махов был не только издателем, но часто и создателем концепции, и автором многочисленных статей; монографии Махова, его переводы с немецкого (не все знают, что он перевел «Культуру Италии в эпоху Возрождения» Я. Буркхардта и «Жизнь мертвых в религиях человечества» К. Клемена); книжки, к которым он писал предисловия («Эстетика» Б. Кроче, «Жуковский. Поэзия чувства и “сердечного воображения”» А.Н. Веселовского), сборники интрадовских конференций. Показывая обложки вышедших в Интраде книг, Алиса Львова призналась, что они со Львом никогда не могли точно сосчитать, сколько книг выпустили с 1995 г. Все макеты сделаны Львом. Художник Л.Е. Каирский, чье имя стояло на всех книжках Интрады, – это сам Лев. Его обложки поражают не просто красотой, но какой-то соразмерностью, гармонией расположения надписей и рисунков, выбором шрифтов. Способность к *dispositio* была у Льва врожденной. Показывая обложки 9-ти бестиарных сборников, А. Львова задала собравшимся

вопрос: «Какую из обложек делал НЕ Лев?» Участники хором сказали: «Обложку девятого». Лев успел сверстать этот сборник, успели выбрать картинку, но сделать саму обложку – не успел. Есть картинка, есть название, вроде и шрифты те же, – а чуда нет. Лев этой книжки и не увидел. Тираж последнего bestiaria приехал 30 ноября, а Лев ушел в ночь на 29-е. Интрада – как особая эпоха в жизни гуманитарного общества – заслуживает отдельного разговора.

ЛЕВ КАК ОРГАНИЗАТОР КОНФЕРЕНЦИЙ, КАК ОРАТОР, КАК ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

9 bestiарных конференций Интрады с их неповторимой атмосферой уже история. А еще была конференция по эмблематике и «Пир у графа Хвостова». Остались фотографии, осталось видео. На них Львиный голос, его жесты, его улыбка. Львиная манера вести полемику – мягко, но твердо, разоружая оппонента широтой эрудиции, логикой, неожиданностью поворота мысли, неотразимостью аргументов. Риторика – его любимая наука; ее волшебные возможности он демонстрировал в каждом своем высказывании.

ЛЕВ КАК ЧЕЛОВЕК, ОБЛАДАЮЩИЙ НЕВЕРОЯТНОЙ РАБОТОСПОСОБНОСТЬЮ

Любимой эмблемой А.Е. Махова было изображение льва с копытами вола: «Imperat et serviat» («Царит, чтобы служить») – царь должен пахать, как вол. Именно так он и работал. Количество (и, главное, безупречное качество) им сделанного всегда вызывало вопросы: «Когда вы всё успеваете?»

ЛЕВ КАК ЧЕЛОВЕК, ЛЮБЯЩИЙ ЖИЗНЬ И УМЕВШИЙ ЕЮ НАСЛАЖДАТЬСЯ

Но Лев совсем не был монахом и затворником. Путешествия по Европе были ему необходимы, просто физически. Приезжая в новый город, Лев мгновенно оказывался в нем своим; шел по карте, как будто по давно знакомым путям. Часто говорил: «Мне кажется, я тут уже был». Легко давались ему и языки. Для него было особым наслаждением беседовать по-итальянски, по-немецки, по-французски. В этом разделе презентации были многочисленные фотографии из путешествий: Лев и море, Лев и фотик (фотоохота – любимое занятие Льва; все иллюстрации, которые можно видеть в его книгах и которые он показывал студентам на занятиях по топики и по информационным технологиям, – это его собственные фотографии, именно потому они уникальны); Лев и бокал (Лев очень любил Кантемирову строчку «Вино – дар божественный, много в нем провору...»), Лев идущий (он все время был в движении; все время шел к какой-то цели – и всегда ее достигал, потому что по натуре был победитель). Показала А. Львова и несколько совместных фотографий, и несколько шуточных рисунков. На одном из них (очень давнем) 17-летний Лев (абсолютно узнаваемый!) запечатлен во время занятия с репетитором при подготовке в МГУ. Одной рукой он записывает за преподавателем, в другой руке держит пятирублевку – плату за знания. Ирония была присуща Льву от рождения.

Презентация шла в очень быстром темпе – просто как напоминание о хорошо известном.

Затем говорили участники встречи. Все они, за единственным исключением, были участниками бестиариев. Каждый говорил о том, что ему кажется определяющим в Львином космосе.

Неполадки со связью не позволили **Л. Котовой** присутствовать на встрече до конца, но она успела сказать, что за то короткое время, что А.Е. был ее научным руководителем, она получила от него множество ценных советов.

Д.П. Ивинский отметил ряд чисто маховских черт.

Приведя несколько цитат из книги «Hostis Antiquus. Категории и образы Средневековой христианской демонологии» со словами «полифония» и «контрапункт», Д.П. Ивинский отметил особую плотность Маховского текста, органическое единство конструкции, при котором создается принципиально новая связность текста; на примере объяснения, как сделана история падшего ангела, возникает новая модель понимания европейской культуры. Д.П. Ивинский это свойство маховских текстов назвал «*эффектом плотной смысловой полифонии*».

Первое, что приходит в голову при мысли об А.Е., по мнению Д.П. Ивинского, – упорный систематический труд, «естественная отстраненность от насхоков». Но, отметил Д.П. Ивинский, «можно трудиться хоть 500 лет, а ничего не взойдет. А тут взойшло. И очень быстро». В А.Е. было редкое сочетание дара, таланта со способностью ежедневного труда.

Д.П. Ивинский заметил, что уже внешний вид маховских книг (само расположение иллюстраций, выбор шрифтов), научный аппарат (красота и подробность указателей; списки литературы) сразу выделяют их из общего потока.

Махов вроде бы исчез с факультета, но его книжки стали очень быстро возвращаться. Д.П. Ивинский рассказал, как был свидетелем сцены, когда студентки передавали друг другу книгу «Эмблемы и символы», как сама собой возникла очередь на нее.

Говоря о бестиариях, Д.П. Ивинский вспомнил даже не доклады, а то, как А.Е. умел слушать: «На одном из бестиариев я посмотрел на А.Е. Он внимательно слушал всё, что происходило. Это тоже испытание, когда всех более-менее знаешь, – вот так слушать, внимательно, аналитически. А.Е. давал шанс всем; признавал, что в чужой речи может что-то произойти». По мнению Д.П. Ивинского, это очень редкое свойство – признание за каждым докладчиком права и возможности сказать нечто интересное, оригинальное; и радость, когда это ожидание оригинального сбывалось. Лев внимательно слушающий – это одна из эмблем бестиариев.

Закончил Д.П. Ивинский такими словами: «Есть уровень филологической культуры, который сразу говорит даже не подготовленному человеку, что в эту сторону надо посмотреть. Вот такой уровень задавал А.Е. Махов»

О.В. Федунина предложила вниманию собравшихся две зарисовки.

Первая связана с обсуждением докторской диссертации А.Е. на кафедре теоретической и исторической поэтики РГГУ: «Я тогда была секретарем кафедры, на мне было заполнение всех бумажек. И, знакомясь с документами А.Е., я думала: “А что тут обсуждать? Это же совершенно готовая работа”. А после обсуждения, очень живого, А.Е. прислал проспект работы. И я еще раз убедилась, что это готовая докторская».

Вторая зарисовка связана с выходом книги «Школа теоретической поэтики» к 70-летию Н.Д. Тмарченко. Когда приехал тираж, оказалось, что на обложке досадная опечатка. Разбираться, кто виноват, времени не было. А на вопрос «Что делать?» А.Е. ответил так: «Мы оденем книжку в супер». Были оперативно на-

печатаны красивые суперобложки, и 1 сентября вся кафедра и все издательство «Intrada» занялись одеванием книжек в «рыжие халаты». Процессом руководил А.Е. Он учил правильно надевать суперобложки. Когда все было закончено, он сказал: «Ну что ж, теперь вы умеете суперить – и вас возьмут на работу в любую типографию». Превратить исправление ошибки в радость, создать такую веселую творческую атмосферу вокруг вроде бы грустного события мог только А.Е.

Т.А. Алпатова заметила, что ее воспоминания об А.Е. связаны больше с книгами, чем с личным общением, хотя ей и приходилось несколько раз выступать на bestiариях. А вот книги А.Е. в ее доме и жизни появлялись как-то сами собой и совершенно мистически: «Первая книга – “Ранний романтизм в поисках музыки”». Она появилась неизвестно откуда – и пропала неизвестно куда (наверное, кто-то из студентов взял). Но спустя какое-то время книга вернулась. За время отсутствия она явно прожила бурную жизнь: кто-то всю испещрил ее карандашными пометами, подправил обложку, подклеил скотчем. Книга прожила жизнь – и вернулась ко мне.

Прошло несколько лет. У меня был друг, который очень любил музыку, его интересовала музыка как целостный феномен. И мне хотелось подарить ему хорошую книжку. В Интернете я увидела “Musica literaria. Идея словесной музыки в европейской поэтике”. Я купила ему и себе, – сначала даже не осознав, что это тот же автор.

А книга “Эмблемы и символы” – это спасение и счастье для любого преподавателя XVIII века. Принести на первую лекцию эту книжку, показать эти картинки – и рассказать, какой мощный код был у русской культуры, – это замечательно. Благодаря статье А.Е. есть возможность соотнести европейскую традицию со всей дальнейшей русской культурой. Лермонтовские “Три пальмы” проясняются эмблематой, а эмблемата поддерживается Лермонтовым.

Действительно, прав Дмитрий Павлович <Ивинский. – *О.Д.*>: иногда бывает настолько плотный ряд, что возникают не количественные, а качественные закономерности. Благодаря работам А.Е. об эмблематике, часто возникает ключик к явлениям более сложного порядка. Масштаб того, как это может помогать, еще будет проявляться. Часто один лучик мысли А.Е. дает направление. Например, одна из статей А.Е. заканчивалась котом ученым. Кот как bestiарный поэтолог. Это про то, что такое словесное искусство, про выражение единого ритма».

На словах о коте-поэтологе на плечо к хозяйке прыгнул роскошный серо-белый кот Морис. И дальше он уже оставался участником встречи.

Т.А. Гуревич сказала о способности Льва дать людям возможность перестать чувствовать смущение: «У каждого был свой первый bestiарий. У меня это был четвертый. Я никого не знала, не могла понять, как меня воспринимают со стороны. Я пришла с подругой – и она сказала мне после выступления: “Все хорошо! Александр Евгеньевич кивал все твое выступление”. И это было такое чувство внутреннего освобождения!»

О.А. Кулагина заметила, что с А.Е. всегда было «легко, весело и свободно – как будто это был мой родной папа».

В конце встречи зашла речь о планах, связанных с увековечением памяти Льва.

А. Львова рассказала об издательских проектах: подготовке к изданию книги «Эмблематика. Микрокосм», которую Лев не успел закончить; выпуске серии из 4-х книжек «Памяти львино-лисий bestiариев»; сборнике ко дню рождения Льва 19 августа (при жизни никогда не было никаких фестишрифтов в его честь – пусть будет теперь).

Вокруг названия серии возникла дискуссия: участники выступали против формулы «памяти бестиариев», находя ее слишком пессимистичной. По всеобщему мнению, бестиарии следует продолжать, так как это «важная часть истории науки».

А. Львова отвечала, что слово «память» в названии серии принципиально: оно семантически работает и на прошлое, и на будущее. А ТЕХ (львино-лисьих) бестиариев действительно больше не будет никогда. Если и будет какое-то продолжение, это будет уже что-то другое.

Напоследок А. Львова напомнила о том, что в ноябре в ИМЛИ будет проводиться международная конференция «Памяти А.Е. Махова» и призвала подавать заявки в разные ее секции.

Участники отмечали важность и полезность этой встречи, позволившей вновь попытаться осознать человеческое и научное величие А.Е. Махова, чья роль в современном гуманитарном мире еще ждет своего осмысления.

Общим мнением слово «многомирный» было признано удачным и полностью отвечающим уникальности личности А.Е. Махова.

Сведения об авторе:

Ольга Львовна Довгий,
доктор филол. наук
ст. научный сотрудник
факультет журналистики
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga L. Dovgy,
Doctor of Philology
Senior Researcher
Faculty of Journalism
Lomonosov Moscow State University
olga-dovgy@yandex.ru